

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

AUG 15 1994

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

М А Й.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ

1891.

Printed in Russia

ДОМОЙ ИЗЪ ИНДІИ.

(Впечатлѣнія путешествія.)

I. Послѣдній день въ Бомбей¹

Мы были задержаны въ Бомбей на цѣлую недѣлю. Вещи наши, по ошибкѣ станціоннаго начальника въ Калькуттѣ, оказались не только не прибывшими, но отправленными въ сѣверо-западные провинціи.

Пришлось пропустить большой пароходъ итальянской компаніи *Florio Rubbattino*, хотя билеты уже были взяты, и намъ съ мужемъ пришлось скучать въ знакомомъ уже Бомбей. Все, что путешественники обыкновенно осматриваютъ въ немъ, мы уже знали. Къ тому же въ Индіи шли тропическіе дожди. Въ только-что оставленномъ нами Аллихабадѣ было все еще пыльно и душно, и воду для ванны надо было предварительно охладить льдомъ чтобы не купаться въ кипяткѣ. Но на Коромандельскомъ берегу, въ Калькуттѣ и вездѣ на югѣ дожди лили, какъ изъ ведра, съ утра до вечера и съ вечера до утра.

Это былъ третій дождливый сезонъ, захватившій меня въ Индіи, и я должна сказать, что самые сильные жары лучше. Выйти нельзя, и въ домахъ все загниваетъ.

Въ Аденъ шель опять пароходъ 17 іюня, и мы ужасно боялись пропустить и его. Раннимъ утромъ этого дня мужъ отправился

¹ Бомбей былъ уже столько разъ описанъ для русскихъ читателей, особенно въ очеркахъ Радда-Вай, что я не сочла нужнымъ останавливаться на немъ подробно.

на станцію Викторія павѣдаться, и хотя ежедневныя путешествія на эту станцію мнѣ уже очень надоѣли, но одиночное заключеніе въ гостиницѣ надоѣло еще больше, и я пошла съ шмѣ.

Желѣзнодорожная станція королевы Викторин въ Бомбеѣ считается самую обширную и нарядную въ мірѣ. Англо-индійское правительство расщедрилось, чтобы сразу поражать великолѣпнѣмъ неопытнаго путешественника, вступающаго впервые на почву Индіи. Дома на Британскихъ островахъ такихъ станцій у Англичапъ нѣтъ, а про грязныя, отсырѣвшія, заплывающія краснымъ бетелемъ, поражающія неряшливостію станціи въ Мадрасѣ, Калькуттѣ, Аллахабадѣ и другихъ городахъ Индійской имперіи и говорятъ не стоить. Положимъ, въ Викторин стѣлы готическій и мавританскій перемѣшаны слишкомъ безцеремонно. Но Британецъ за этимъ не гонится, а туземецъ, будь онъ кореннымъ Бомбейскимъ махратомъ, или Парсіицемъ, или забѣжимъ Бенгальцемъ, или Тамюльцемъ, этого и совсѣмъ не замѣтитъ. Къ тому же безконечное множество и разнообразіе украшеній, лѣпныхъ карнизовъ, сводовъ съ позолотой, мраморныхъ колоннъ, мозаичныхъ половъ, ангеловъ на остроконечныхъ башенкахъ, предназначено для развлеченія взглядовъ и назиданія умовъ. На среднѣмъ и самомъ большомъ куполѣ сама королева и императрица, а подъ навѣсомъ, куда въѣзжаютъ поѣзда, каждая чугунная балка есть уже *chef-d'oeuvre*. Гдѣ же тутъ замѣчать, что стѣла зданія хромаетъ, что громада его подавляетъ все вокругъ до уродливости, что, несмотря на всѣ свои украшенія, оно кажется грубою заплаткой изъ повои дерюги на старомъ тонкомъ полотнѣ.

Одинъ мой знакомый Французъ, большой почитатель индійской старини, сравнивалъ эту станцію съ самымъ англо-индійскимъ правительствомъ, тяжело разсѣвшимся надъ одряхлѣвшею, измелчавшею и умирающею Индіей.

Мой мужъ скоро исчезъ въ безконечныхъ ходахъ и переходахъ, сопутствуемый махратомъ въ очень красивомъ аломъ тюрбанѣ съ золотою каемкой и съ тремя маленькими сережками въ ухѣ. Я осталась на дебаркадерѣ. Какое тутъ безконечное разнообразіе типовъ, костюмовъ, головныхъ украшеній и нарѣчій. По тюрбанамъ и шапкамъ всегда можно узнать народность и касту человѣка. Къ тому же, поговорка, что у человѣка на лбу ничего не написано, нигде не годится въ Индіи. Тутъ у людей на лбахъ если не написано, то изображено очень многое..

Браминъ всегда можно узнать по большой ижицѣ, намазаннойотъ переносья къ корнямъ волосъ бѣлою краской, съ срединною красною полосой. Люди занимающіеся изученіемъ тайныхъ наукъ мажутъ лобъ глинной со дна нѣкоторыхъ священныхъ прудовъ. Цоклопняки Шивы дѣлаютъ на лбу двѣ поперечныя сѣрыя полосы съ чернымъ кружкомъ надъ ними, или просто три полосы, смотря по кастамъ. Лица, принадлежащія къ знаменитой арміи спасенія, и тѣ носятъ значки на лбахъ: одну полоску красную для означенія крови Спасителя, другую желтую для означенія огня Св. Духа, третью голубую въ знакъ чистоты собственного сердца.

Ихъ всегда много среди туземной толпы. Они одѣты такъ же, какъ и туземцы, то-есть дупи, кусокъ кисей вокругъ бедеръ и погъ до колѣнъ, фланелевая кофта или голая спина, босыя ноги и тюрбанъ или непокрытая голова. Тюрбанъ и дупи для арміи спасенія должны быть цвѣта лососины, а кофта красная. Волоса брѣютъ или оставляютъ отростать до плечъ. Женщины этой арміи, по большей части по чину капитаны, тоже одѣваются въ туземное платье. Трудно себѣ представить что-нибудь смѣшнѣе одного изъ этихъ капитановъ, старой и толстой Англичанки, въ очкахъ и съ очень рѣдкими волосами, которая разъ обратилась къ намъ съ вопросомъ:

— Are you saved? то-есть понимаемъ ли мы ученіе Христа по ихнему?

Въ одеждѣ почтенной пропагандистки были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія, но все же впсейное облаченіе было слишкомъ легко и прозрачно для ея формъ.

Армія спасенія въ Индіи дѣлаетъ очень мало новообращенныхъ и то только среди парій, однако ея ночныя процессіи съ пѣніемъ ею сочиненныхъ псалмовъ на мотивы изъ оперетовъ, съ дудочками и барабанами, очень надобляетъ мирнымъ обывателямъ Бомбея, Мадраса и другихъ южныхъ городовъ.

Когда мой мужъ освободился, получивъ наконецъ нашъ багажъ, мы рѣшили объѣхать туземные кварталы еще разъ. Пароходъ уходилъ не скоро, времени оставалось еще много. При выходѣ со станціи мы столкнулись съ однимъ очень занимательнымъ старымъ Парсіицемъ. Его звали сѣръ-Динъ-Шо-Манокджи-Петитъ, и онъ единственный на свѣтѣ баронетъ Соединеннаго Королевства съ коричневою кожей. Онъ очень любезный старикъ, съ длинными сѣдыми усами и быстрыми, ясными глазами.

Разсказъ про то, какъ Динъ-Шо-Манокджи-Петить сдѣлался баронетомъ есть отступленіе отъ моего повѣствованія, но онъ вполне заслуживаетъ упоминанія.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ англійскомъ парламентѣ случился казусъ. Ланкаширскій представитель въ палатѣ общинъ привелъ къ маркизу Солсбери цѣлую депутацію отъ манчестерскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ. Депутація заявила, что конкуренція индійскихъ производителей такъ усилилась, что имъ, манчестерскимъ заправиламъ, скоро придется лѣзть въ трубу, и что если онъ, маркизъ Солсбери, не наложитъ узды на ихъ враговъ, то весь Ланкаширъ съ Манчестеромъ во главѣ откажется поддерживать премьеръ-министра. На другой день въ палатѣ общинъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что индійскіе фабриканты ужасно безчеловѣчны съ тысячами чернокожихъ бѣдняковъ, работающихъ у нихъ. Было рѣшено сократить число рабочихъ часовъ на индійскихъ фабрикахъ. Такою мѣрой, разумѣется, цѣна индійскихъ производствъ поднималась, соревнованіе съ ними Ланкашира становилось обезпеченнѣе, да и гуманность британскаго правительства выказывалась съ самой хорошей стороны. Динъ-Шо-Петить долженъ былъ пострадать первый, такъ какъ онъ самый крупный хлопчато-бумажный фабрикантъ. Мы, читая всю эту исторію въ газетахъ, пожалѣли повравившагося намъ старика. Какъ вдругъ слышимъ, что онъ сдѣланъ баронетомъ за громадное денежное пожертвованіе въ пользу проказенныхъ. Какова бы ни была прямая цѣль этого добраго дѣла, его фабрика теперь виѣ прижимокъ и придирокъ со стороны англо-индійскихъ бюстителей порядка и тишины.

Разставшись съ Парсійцемъ, мы отправились во фруктовый рядъ. Чистота рынковъ и въ Калькуттѣ и въ Бомбеѣ удивительная. Миѣ вспомнился такой же рынокъ, армянскій базаръ въ Тифлисѣ, моему родному городѣ. Въ сущности всѣ три очень похожи. Та же разноязычная, крикливая толпа, тѣ же темноватые ряды лавочекъ съ сухими, маринованными и свѣжими продуктами, тѣ же фрукты удивительныхъ формъ и вкусовъ, которыхъ въ Европѣ ни назвать, ни представить себѣ не умѣютъ, то же веселое зазываніе и добродушное, почти открытое обмѣриваніе и обвѣшиваніе, тѣ же мелькающія въ толпѣ глубокомысленныя фигуры и суровые, какъ изъ камня изваянные, профили высокакъ Афганцевъ, развозящихъ отъ Чернаго Моря до Бенгальскаго залива сушеную курагу и али-бухару, которыя, кстати сказать,

на всѣхъ этихъ трехъ базарахъ называются одинаково, тѣ же вереницы верблюдовъ, съ рѣдкимъ звономъ колокольчика, подвѣшеннаго на томъ изъ нихъ, который идетъ впереди. Словомъ, все очень похоже, только не чистота и порядокъ. Чтобы понять разницу, довольно сказать, что на рынкахъ въ Калькуттѣ и Бомбеѣ пахнутъ только дынями, ананасами, апельсинами и цвѣтами.

Въ Калькуттѣ цвѣты продаются гирляндами, и цѣпи, и хитро сплетенныя висточки—все изъ цвѣтовъ. Рѣдко-рѣдко найдешь букетики для бутоньерки, сложенный по-англійскому образцу. Въ Бомбеѣ, кромѣ цѣпей и браслетовъ, продаются пресмѣшныя букеты. Букетъ густо сложенъ въ видѣ воронокъ изъ прижатыхъ другъ къ другу головокъ цвѣтовъ; въ конецъ букета воткнута палка, и на другомъ концѣ ея такая же воронка изъ тѣхъ же цвѣтовъ, обыкновенно изъ туберозъ, только поменьше; все украшено мишурными золотыми и серебряными нитями и спрыснуто розовою водою, хотя бы она и портила, и заглушала запахъ цвѣтовъ.

Еще разъ проѣхали мы по грязнымъ шумнымъ улицамъ, стѣненнымъ съ обѣихъ сторонъ высочайшими домами со множествомъ балконовъ, въ которыхъ большею частью живутъ представители богатѣйшей въ Индіи секты Джайновъ; миновали ихъ храмы, отличающіеся отъ храмовъ махратовъ—коренныхъ Бомбейцевъ и рьяныхъ по вѣрованіямъ Индусовъ—большимъ благообразіемъ и меньшею пестротой.

Конка, проведенная повсюду, въ общей чести у туземцевъ, и является пренеприятною аномаліей въ обстановкѣ, которая все еще со своими пальмами, минаретами, остроконечными пагодами, украшенными по карнизамъ размалеванными идолами, и круглыми сводами, говоритъ вамъ о Гарунъ аль-Рашидѣ. Досадливыя, рѣзкіе звонки конки и громъ салазокъ въ длинныхъ деревянныхъ постройкахъ съ гладнымъ извивающимся поломъ, именуемыхъ здѣсь Русскими ледяными горами, развлекаютъ васъ, когда вы входите въ толпу мусульманъ, омывающихъ руки и ноги въ мраморномъ бассейнѣ съ бьющею по срединѣ струей предъ входомъ въ мечеть, всю расцвѣченную солнечными лучами, которые проникаютъ въ царствующую здѣсь полутьму черезъ окна изъ разноцвѣтныхъ стеколъ.

Прелестныя вещи продаются въ Индіи въ каждой лавчонкѣ, на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и такъ дешево, что въ моихъ чемоданахъ и сундукахъ яблоку негдѣ было упасть. Я объяснила

мужу, что такое городничій, и при каждой новой покупкѣ доказывала, что городничему мѣсто найдется.

Гостиницы въ Индіи устроены на европейскій ладъ; по коридорамъ разостланы дорожки, прислуга стучится въ дверь прежде чѣмъ войти, за общимъ столомъ соблюдается тишина и приличіе, на столахъ стоятъ туземныя, но по-европейски чахлыя растенія въ шаблонныхъ фарфоровыхъ вазахъ. Только развѣвующіеся надъ нашими головами папы, да черная босая прислуга напоминаютъ, что мы въ Азіи. Постояльцы, конечно, разпоцвѣтныя, съ преобладаніемъ британскаго офицерства.

Въ Бомбей, впрочемъ, прислуга хотя и черна, по считаетъ себя Европейцами. Она большею частью потомки Португальцевъ изъ Гоа, на югъ Индіи, и ревностные католики.

Пятиэтажный Esplanade Hotel въ Бомбей пмѣтъ еще ту особенность, что весь сложенъ изъ желѣза, можетъ быть разобрать и собрать въ короткое время.

Едва мы кончили обѣдъ, какъ въ нашу комнату постучался. Это былъ довольно юный Парсіецъ, Рустемджи.

Нашъ посѣтитель не зналъ, что мы сегодня уѣзжаемъ и пришелъ насъ пригласить къ себѣ. Я никогда еще не бывала въ Парсіскомъ домѣ. Домъ Динъ-Шо-Петита, единственнаго Парсіица, у котораго мы были, гораздо больше похожъ на Петергофскій старый дворецъ, чѣмъ на обиталище изъ Шехеразадъ. Мы рѣшили побросать наши вещи какъ-нибудь въ ящики, чтобы разобраться на пароходѣ, и выгадали часокъ для посѣщенія Рустемджи.

Парсіицы огнепоклонники, вытѣспенные изъ Персіи исламомъ. Свои религіозные обычаи они сумѣли сохранить въ неприкосновенности. Они единственный въ Индіи народъ, который даже и заглядывать въ свои храмы не позволяетъ пновѣрцамъ. Я-таки умудрилась заглянуть, но ничего, кромѣ огня на престолѣ и голыхъ стѣнъ, не увидала. Вокругъ храма на завалинкахъ сидятъ Парсіицы и чинно толкуютъ о своихъ дѣлахъ. Мѣсто предъ храмомъ считается законнымъ клубомъ для всѣхъ единовѣрцевъ, чѣмъ-то въ родѣ Парсіиской биржи.

Имъ есть о чемъ поговорить. Они очень пскусные торговцы. Мелкая торговля въ Бомбей вся въ ихъ рукахъ. Бываютъ у нихъ и капиталы съ крупными оборотами, на зло протпвобѣствующимъ Джайнамъ. Они чпстоплотны, честны, если дѣло плеть не о деньгахъ, стоитъ другъ за друга горой, и очень строги и патриархальны въ семейной жизни; парсіискихъ женщпъ можно

узнать потому, что онѣ однѣ въ Индіи обуваются въ чулки и вышитыя гарусомъ туфли. Кромѣ того, онѣ свободно выходятъ изъ дому, и на улицѣ никакой Парсіецъ не позволитъ ихъ обидѣть, даже еслибъ и не зналъ ихъ лично.

Нашъ Рустемджи былъ намъ извѣстенъ какъ теозофъ. Многие изъ Парсіцевъ принадлежатъ къ теозофическому обществу, а намъ суждено было въ Индіи знакомиться особенно съ представителями этого общества.

Мы шли очень темными и грязноватыми улицами, онѣ такъ узки, что даже индійскому солнцу въ нихъ не удается заглядывать, и два человѣка легко могутъ поздороваться, стоя на противоположныхъ сторонахъ. Крутыя, узкія и тоже темныя лѣстницы привели насъ въ квартиру Рустемджи. Я тамъ познакомилась съ очень красивою, пожилою женщиной, матерью нашего хозяина, то и дѣло вздыхающею, съ безпогою его сестрой, и хорошенькою быстроглазю женой. Но ничего новаго я тамъ не увидала. Тѣ же, какъ и во всѣхъ домахъ Индіи, обширныя кровати, съ коленкоровыми простынями и пологами отъ комаровъ (двѣ первыя дамы живутъ на этихъ кроватяхъ, не слѣзая), тѣ же старомодныя бездѣлушки и засиженныя мухами картпки, окончательно вытѣсненныя изъ Европы новыми вкусами. Обмѣнялись фотографіями, я получила на память мраморное яичко съ мраморныхъ извѣстныхъ въ Индіи свалъ около Джабальпура, отдала двумъ шустрымъ сынишкамъ Рустемджи припасенную мною англійскую азбуку съ картинками, и мы простылись. Когда мы пріѣхали къ пристани, оказалось, что послѣдній паровой катеръ съ парохода, стоявшаго миляхъ въ двухъ отъ берега, ушелъ. Опоздали-таки!

Пришлось нанять туземныхъ манджи съ ихъ лодкой. Лишь только мы вышли изъ порта, полилъ дождь, хотя солнце сіяло такъ, что больно было смотрѣть. Маленькая лодченка то ныряла, то опять взбиралась наверхъ волны. Рудевой затунулъ свою безконечную пѣсню, подхватываемую гребцами.

Смыслъ пѣсни: тяните, братья!

— Ну, потянемъ (отвѣчаетъ хоръ). Пароходъ уходитъ!— Ну, потянемъ! *Сіамъ* пароходъ! Тяните, братья! Дождь идетъ! Большой дождь! Тяните, братья! Барниъ бакшиша много дастъ!

Безъ такихъ своеобразныхъ „эй, ухнемъ“ не обходится ни одна работа въ Индіи.

Я такъ боялась, что намъ опять придется остаться въ

Бомбеѣ, что время для меня тянулось безконечно. Ужь я и смотрѣть ни на что не хотѣла, хотя съ правой стороны выдвинулась туманная громада Элефантины и скоро заслонила другимъ зеленымъ гористымъ островкомъ, на которомъ поселились всѣ бѣлые мясники съ бойнями, такъ какъ туземцы воспротивились уничтоженію коровъ, священнаго въ глазахъ индуса животнаго.

Наконецъ мы очутились въ виду парохода. Трапъ уже собрались поднимать. Я стала махать зонтикомъ и ерничать, хотя могла бы сообразить, что меня не слышать. Мой мужъ смѣялся.

Забросили веревку на пароходъ, притянулись и съ большимъ трудомъ выбрались изъ танцующей лодки. Уронили при этомъ въ воду два зонтика и шаль, но это мнѣ было въ полугоря: я знала, что ужъ безъ насъ теперь не уйдутъ.

Пароходъ *Siam*, принадлежащій Peninsular and Oriental Steam Navigation Co, оказался пресквернымъ, прегрязнымъ, старымъ и маленькимъ. Мы были очень разочарованы, такъ какъ, знакомые съ элегантными исполнителями компаніи, никакъ этого не ожидали. Палуба втораго класса была очень непривлекательна и половина ея занята стойломъ грязной коровы.

Нечего было дѣлать, пошли мы въ свою комнату. Каюта была такъ мала, жарка и душна, что въ ней трудно было дышать. Попробовали перемѣнить.—Куда! Всѣ норки заняты. Мой мужъ сокрушался, говоря, что еслибы не мои городничіе, ѣхали бы мы теперь въ первомъ классѣ, на большомъ пароходѣ и уже находились бы въ Аденѣ. Я старалась доказать, что лучше пострадать нѣсколько дней, чтобы привезти и себѣ, и друзьямъ всякихъ диковинокъ. Но еслибъ я знала каковы будутъ эти нѣсколько дней, навѣрное пожертвовала бы всѣмъ своимъ имуществомъ.

Выйдя на палубу, мы увидѣли цѣлую толпу пассажировъ. Нѣсколько лодокъ съ провожающими все еще колыхались вокругъ парохода. Перекрикивались, пересмѣивались, уѣзжающіе жалѣли остающихся, остающіеся желали силъ уѣзжающимъ на слѣдующіе дни до Адена. Полуголый старикъ, газетный разнощикъ, спустился по веревкѣ за бортъ въ лодку. Вдругъ пароходъ дрогнулъ, вода зашипѣла, послѣднее эхо отвѣтило на прощальный ревъ гудка, и мы тронулись.

Всѣ были у бортовъ. Скалистые островки съ коронами изъ кокосовыхъ пальмъ показывались и исчезали за нами. Вотъ показался красявый Sailors Home, постоянный дворъ матросовъ

всѣхъ націй, за нимъ набережная Apollo, гдѣ весь элегантный Бомбей катается по вечерамъ. Вотъ мелькнулъ между домами памятникъ принца Вельскаго. Вотъ промчался желѣзнодорожный поѣздъ, изъ оконъ котораго торчали головы въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, словно игрушечные пестрые воздушные шары.

Громада Викторіи, башни университета, сарай на верфяхъ, гдѣ строятъ корабли,—все уплыло отъ насъ. Никакой шумъ не долеталъ уже къ намъ съ берега. Мы шли мимо малабарскаго холма, на которомъ покоятся останки всѣхъ Парсіейцевъ въ извѣстной Tower of Silence до тѣхъ поръ, пока совмѣстныя усилія вѣтра, солнца, дождей и цѣлыхъ тучъ коршуновъ не уничтожатъ ихъ окончательно.

Но скоро и Башня Молчанія исчезла изъ вида, мы отошли отъ берега.

Прощай безпощадное солнце и раскаленная земля; прощайте неподвижныя, тинистыя воды, съ вашими комарами и змѣями, съ вашими лихорадками и сыпями. Прощай богатая природа, съ твоими могучими деревьями и пестрыми птицами. Прощайте черные люди, безобидные, живые и жалкіе, капища съ уродливыми идолами, съ безтолковою роскошью и грязною нищетою.

Прощай страна изумрудовъ и жемчуга.

Прощай Индія!

II.

Пароходъ сильно качало, когда мы на другой день съ разсвѣтомъ едва добрались до палубы.

Странствовать по Индійскому океану, когда тамъ свирѣпствуютъ мусуны, то-есть тропическіе дожди, дѣло требующее большой храбрости. Но когда измученъ лихорадками и страданіями печени, кажется, что все на свѣтѣ лучше медленной пытки, которой подвергаетъ Индія Европейцевъ. Къ тому же отпускъ по болѣзни англо-индійскому чиновнику всего удобнѣе просить, когда никто другой его не попроситъ. Только бы вырваться изъ Индіи, а тамъ будь, что будетъ.

Вся палуба, на которой нельзя было найти сухаго мѣстечка, была уставлена разнокалиберными соломенными и парусинными вреслами и кушетками. На англійскихъ пароходахъ пассажиры должны запастись собственною мебелью.

Цѣлый полкъ британскихъ офицеровъ возвращался на родину,

отбывъ нѣсколько обязательныхъ лѣтъ въ Пенджабѣ. Солдаты, которые набраны изъ туземцевъ, сипаевъ, офицеры за собой не таскаютъ, а оставляютъ въ этихъ случаяхъ на мѣстѣ, предоставляя имъ вновь вступить на службу въ новый полкъ, офицерство котораго уже прибыло изъ Англіи или Египта, или записаться въ безсрочно отпускные.

Страшную силу Британцы готовятъ въ этихъ сипаяхъ. Многіе благоразумные люди, падъ которыми обыкновенно смѣются, опасаются ихъ въ будущемъ. Вымуштрованы они и выучены гораздо лучше тѣхъ элегантныхъ солдатъ, которыхъ можно видѣть развѣжающими въ Лондонѣ; кромѣ того, сипая набраны не изъ рабскихъ и мирныхъ племенъ съ долины Индіи, а изъ сажениныхъ Раджпутовъ, изъ племени Гурка, обитающаго въ горахъ по близости Недала. Эти Гурки дали свое имя самому доблестному полку въ Индіи, способствовавшему многимъ побѣдамъ Англичанъ. Бѣлые же офицеры, какъ на подборъ, удивительно щелушны на видъ и мелкорослы. Я знавала ихъ много и всегда оказывалась выше любого офицера, вызывая при этомъ вопросъ, съ нескрываемою досадою „Are all Russian ladies as tall, as you?“

Глядя со стороны, человекъ не можетъ не понять, что не престижъ европейской образованности удерживаетъ Индію отъ новаго возстанія. Проспавъ только Индія, страхни съ себя мелочныя враждованія вѣрованій и кастовое равнодушіе другъ къ другу, и, пожалуй, пожалѣютъ сами Англо-Индійцы, что такъ хорошо выучили сипасевъ. Не поможетъ тогда и Калькутта,¹ такъ удобно расположенная и для побѣга, и для безопасной разсылки распоряженій.

Надо надѣяться, что Лукловскаго позора и избіенія европейскихъ женщииъ и дѣвочекъ въ 1857 году Европа никогда не увидитъ. Люди, видящіе въ привязанныхъ къ пушкамъ возмущившихся туземцахъ Индіи на извѣстной картинѣ Верещагина упрекъ жестокосердію англо-индійскаго правительства, воплиѣ

¹ Эта столица Индійской имперіи устроена въ такомъ мѣстѣ, что выйдя изъ нея по рукаву Гауга-Гугли совершенно обезпеченъ. Вокругъ нея населеніе мирное и неспособное къ возстанію. Къ тому же юношество Бенгаліи воспитывается англійскими руководителями такъ, что перестаетъ быть Индусами, не дѣлался Европейцами. Не берусь рѣшать, намѣренно или не намѣренно распоряжаются британскіе педагоги, по ююша-туземцевъ, побывавъ въ университетѣ, становятся болтаивою, никому ненужною тряпкой.

несправедливы. Всякій отецъ, мужъ и братъ, всякая европейская нація въ данныхъ обстоятельствахъ поступила бы точно также, и была бы права. Но нельзя не удивиться близорукости Англіи.

Между офицерами, ѣхавшими съ нами на *Siam*, былъ и полковой священникъ. Тутъ же былъ какой-то инженеръ, совсѣмъ не страдавшій морскою болѣзнію, и дама, жена одного изъ офицеровъ, совсѣмъ больная, что, впрочемъ, не мѣшало ей топомъ пересѣиваться со своимъ спутникомъ. Особенную мою симпатію возбудила чайная плантаторша изъ Ассама, ѣхавшая съ тремя маленькими дѣтьми. Мы въ ней узнали старую знакомую. Когда мы шли въ Индію въ первый разъ, она тоже была нашею спутницей, но дѣтей тогда было двое. Я ее замѣтила въ первые же дни плаванія, еще въ Бискайскомъ заливѣ, потому что лицо ея было поразительно похоже на карриватурныя изображенія Ирландцевъ въ *Rush*'ѣ. Короткій носъ, длиннѣйшая верхняя губа и ротъ до ушей. Дурное впечатлѣніе сгладилось въ этотъ разъ. Ужъ слишкомъ тяжело было ея положеніе, и все-таки она сумѣла сказать намъ нѣсколько добрыхъ словъ о жалкой перемѣнѣ въ паружности моей и моего dear good „gentleman'a“.

Всѣ мы были привязаны платками и веревками другъ къ другу и неподвижнымъ предметамъ на палубѣ. Несмотря на эту предосторожность, наши кресла съ каждымъ движеніемъ парохода то сползались, то расползались. Ихъ скрипящія нельзя было слышать за общимъ шумомъ непогоды и плескомъ воды. Между нашими креслами толкались, весело разговаривая и голаясь другъ за другомъ, нѣсколько юныхъ полубѣлыхъ почтовыхъ чиновниковъ, везшихъ индійскую почту въ Портъ-Саидъ. Имъ непогода спочемъ. Они народъ привычный. Морьямъ тоже своимъ вѣдомъ придавали намъ бодрость. Англійскіе морскіе офицеры большіе франты. Я никогда не видѣла и пушички на ихъ ловко сшитыхъ сюртукахъ. Они всегда острижены по послѣдней модѣ, бѣлье бѣлоснѣжное во всякую погоду. Только теперь ихъ ноги были обнажены до колѣнъ; по мокрой палубѣ качающагося парохода даже и они могли ходить только босикомъ. Къ тому же, во время мопсуна никто не обувается, снять разбухшіе отъ соленой воды сапоги невозможно, и я имѣла случай полюбоваться на затѣйливую тутапровку, которой всякій англійскій матросъ, уважающій себя, говорятъ, распсанъ цѣлкомъ.

Мелкія волны, не переставая, заскакивали на палубу съ обѣихъ сторонъ. Лучи пѣнищей зеленоватой воды разлплвались

по ней и убѣгали къ бортамъ, чтобъ опять съ новою силой прихлынуть назадъ.

Мое кресло оказалось придвинутымъ къ самому коровьему стойлу, и я покорно выносила близкое сосѣдство, хотя запахъ навоза и парнаго молока дѣйствовалъ на меня еще хуже, чѣмъ запахъ прѣлага теплаго пара пополамъ съ машиннымъ масломъ и каучукомъ, свойственный всѣмъ пароходамъ. Коровѣ постоянно мѣшки сухарей и ведра пива, но это очевидно ея не утѣшало, она мычала очень жалобно.

Что это была за ночь! Никогда ничего подобнаго представить себѣ не могла. О снѣ нечего было и думать. Надо было крѣпко держаться за мѣдныя перильца коекъ

Вода врывалась водопадами, несмотря на то, что оба отверстия съ палубы были старательно заставлены. Вездѣ, уже и въ столовой, и въ каютахъ, ее было съ полфута.

Подвижныя кресла на привинченныхъ къ полу ножкахъ поворачивались скрипя съ каждымъ новымъ валомъ. Посуда въ буфетѣ, шары электрическихъ лампъ то и дѣло шлепались и разбивались со звономъ.

Къ довершенію всего, съ электрическою батареей что-то случилось, она не дѣйствовала, и мы погрузились во мракъ. Прислуга виопыхахъ не знала на чей зовъ отвѣтить, куда побѣжать, какую вещь поддержать на лету. Два только-что принесенные керосиновые фонари, скудно намъ свѣтившіе, тоже свалились со столовъ. Одинъ потухъ на лету, другой разбился въ дребезга, разливъ на мгновеніе яркое пламя, сейчасъ же затушенное и затертое тяжестью другихъ катавшихся по полу вещей.

Принесли новые фонари, и ихъ постигла та же участь. Кажется, свѣта и освобожденія никогда не дождешься.

Усталый мозгъ погружается въ столбнякъ. Если и приходитъ мысль объ опасности, она разсѣивается сама собой, забываешь спросить о ней другихъ, не успѣваешь оформить ее въ собственномъ умѣ.

На меня находила не то дремота, не то бредъ. Что-то отвратительное, чужое, громадное душило меня по временамъ. Иногда я приходила въ себя и начинала думать о какихъ-то пустякахъ, не имѣвшихъ ни малѣйшей связи съ моимъ тогдашнимъ положеніемъ.

Когда пришло утро, я поняла, что мой мужъ совсѣмъ боленъ, что ему гораздо хуже, чѣмъ мнѣ. Я ничего не могла добиться

на свои разспросы. Насялу я дотянулась до звонка и попросила прислать доктора.

Но прихода его я не дождалась: едва добравшись до своей верхней койки, я тоже потеряла сознание, должно-быть отъ движенія. Когда я пришла въ себя, я находилась уже на первой площадкѣ лѣстницы на палубу, поддерживаемая привычною горничной, добросердечнымъ почтовымъ чиновникомъ и юнымъ докторомъ, съ такимъ изможденнымъ лицомъ, что онъ могъ позавидовать любому пассажиру. Онъ мнѣ цѣлъ говорилъ, что до сихъ поръ не привыкъ къ монсуну. Когда докторъ ушелъ, я принялась, по своему обыкновенію, глазѣть по сторонамъ.

Боже мой, какую картину крушенія всѣхъ приличій и стыдливости представляли мы всѣ! Всѣ босые, едва прикрытые ночными флавелевыми костюмами, захватывающіе чужія подушки и пледы, и не думающіе разбирать мебели по принадлежности.

Лишь только я поуспокоилась, насъ опять окатила цѣлая стѣна морской воды. Мою кушетку двинуло къ самому борту и опрокинуло. Но все-таки падая я успѣла замѣтить мужа единственной полковой дамы, бросившагося въ нашу сторону съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ и тоже упавшаго. Оказалось, что кресло, на которомъ она лежала, было такъ высоко поднято водой, что при новомъ движеніи парохода должно было неминуемо быть смытымъ за бортъ въ бушующій океанъ. Матросы-мусульмане успѣли стянуть даму, а кресло ея уплыло.

Тотъ же самый добродѣтельный почтовый чиновникъ, что привелъ меня на палубу, поднялъ меня и отвелъ въ единственную на палубѣ курительную комнату.

Я же, едва добредя до нея, легла на полъ и уже не могла бы уйти безъ посторонней помощи, хотя бы меня выгоняли палками. Но не долго пришлось оставаться сухою. Новая волна съ еще большею силой хлынула на насъ. Ручейки побѣжали въ курительную комнату, страшный трескъ оглушилъ насъ: подставки, винченныя въ палубу, на которыхъ стояла большая спасательная лодка, были выломаны и лодка уплыла. Мужчины, высунувшіеся изъ оконъ комнатки, говорили, что лодка опять было всплыла на палубу, но захватить ее не успѣли.

Еще цѣлую недѣлю, тянувшуюся безконечно, мы денно и ночью подвергались тому же истязанію жары, воды, зловонія и физической боли. Еще долго намъ казалось, что мы никогда не увидимъ земли, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ этой водяной

бѣснующейся пустоты. Вѣтеръ успѣлъ натѣшиться въ волю, раздувая наши намокшія одежды и срывая съ насъ шапки и шапки. Еще двѣ лодки были унесены волнами, и вся мебель на палубѣ или смыта, или изломана. Еще долго выло и свистѣло во всѣхъ отдушникахъ и трубахъ, долго ныло и стонало все живое и неодушевленное вокругъ насъ, долго стѣны воды перекидывались надъ нашими головами, забираясь въ каюты и въ трюмъ. Мы шли въ Адентъ, вмѣсто обычныхъ пяти съ половиной, девять сутокъ.

Къ довершенію всѣхъ ужасовъ, за день до освобожденія, по пароходу разнеслась вѣсть, что капитанъ, котораго во второмъ классѣ никто и не видывалъ, потерялъ дорогу. Мужъ спросилъ одного изъ матросовъ. Тотъ съ добродушною усмѣшкой на черномъ лицѣ сказалъ, что, правда, буря унесла насъ далеко отъ назначеннаго пути, но что опасности нѣтъ. Проходившій докторъ подтвердилъ его слова, прибавивъ въ видѣ утѣшенія, что это дало намъ право хвастаться при описаніи нашихъ тревоженій, что мы почти побывали на экваторѣ. Но въ путешественникахъ была крѣпка увѣренность, что никто не знаетъ, гдѣ мы, и страхъ посягнулъ самыхъ неустрашимыхъ. Впрочемъ, несмотря на наши опасенія, къ вечеру волненіе затихло. Мертвая зыбь, которой я прежде не выносила, продолжалась, но на нее ужъ никто не обращалъ вниманія. Къ чему человѣкъ не привыкаетъ? Предъидущіе дни, я, къ моему удивленію, могла ѣсть и даже дремать. Но тутъ мы уже всѣ окончательно успокоились. Всѣ приодѣлись и почистились, всѣ другъ съ другомъ знакомились и весело разговаривали.

Почтовый чиновникъ, мой спаситель, спрашивалъ меня, когда наконецъ Русскіе придутъ и отомстятъ за нихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ?

Такіе люди, какъ онъ, вполне индійскій типъ. Они страшно самолюбивы и обидчивы, и въ то же время сами напрашиваются на рѣзкости со стороны недеремонныхъ Англичанъ. Они озлоблены противъ всего британскаго и высказываютъ свое озлобленіе съ неудержимою болтливостью и обижаются тѣмъ, что молодые Англо-Индійцы не охотники до панибратства съ ними.

Я познакомила Франциска де-Суза съ моимъ мужемъ, какъ равнаго. Эта простая съ нашей стороны учтивость слѣдала то, что онъ постоянно бѣгалъ для насъ за водой, за льдомъ, доставлялъ намъ рѣдкіе на пароходѣ фрукты, при посредствѣ своей пріятельницы, горничной, и надѣдалъ мнѣ сѣтованіями на

Англичанъ, политическими разсужденіями и надеждами на приходъ въ Индію Русскихъ. Онъ почему-то говорилъ со мной не иначе, какъ по-французски. хотя англійскій языкъ зналъ лучше и его полная таинственнаго злорадства фраза: „*Quand la Rousse vien-dront!*“ прѣжуждала мнѣ уши. Кончилось тѣмъ, что я стала избѣгать его, несмотря на его доброту и мою жалость къ нему. Онъ замѣтилъ это, обидѣлся и, вѣроятно, сталъ уже хуже думать о Русскихъ.

Къ довершенію нашего удобства, въ этотъ вечеръ съ мачты повѣсили длинный круглый мѣшокъ въ каморку съ запасными канатами, на которую выходило окно нашей каюты. Такіе мѣшки служатъ для накачиванія воздуха въ нижніе этажи парохода. Я рано забралась на койку и думала хорошенько заснуть.

Но не тутъ-то было!

Воспрянувшіе духомъ офицеры вздумали дать намъ любительскій концертъ.

III.

У Адена и на Красномъ Морѣ.

Боже мой, какихъ бѣдъ надѣлать мнѣ городничимъ безпощадный мусунъ. Двѣ большія китайскія вазы оказались разбитыми въдребезги. Кусокъ бѣлаго тюля, расшитый золотомъ и крыльями бронзово-зеленыхъ мадрасскихъ жучковъ, весь вымокъ и окрасился цвѣтомъ красной шелковой наволочки, въ которую я его уложила. А глиняныхъ идоловъ сколько было раздавлено и искрошено! Я сидѣла на палубѣ и грустно раздумывала на эту тему на слѣдующее утро. Мы окончательно вышли изъ области бурь. Кончилось наше подводное плаваніе,—иначе его и назвать нельзя. Море успокоилось и блестяло блаженно-равнодушною улыбкой. Вода взбѣгала милліонами микроскопическихкихъ пузырьковъ изъ-подъ пароходнаго кля, словно мы плыли по пучинѣ зельтерской воды. Жаркій вѣтерокъ съ берега гналъ стада красной, крупноной, длинноногой саранчи. Часть ея шлепалась на палубу, другая тонула въ морѣ.

Пароходный мясникъ, въ первые дни плаванія привязанный къ моему врагу дойной коровѣ, какъ къ родному дѣтищу, рассказывалъ какая она бѣдная мученица и радовался, что она отдохнетъ на сушѣ, когда такъ сильно пострадавшій *Ciam* будетъ починяться.

— Вотъ посмотрите на ея ноги. пригласилъ онъ меня.

Я взглянула: дѣйствительно. копыта побѣлѣли, распластались отъ долгаго стоянія на доскахъ.

Къ коровѣ все подходили, все замѣтили, что она настоящая англійская корова, крупная, безъ горбовъ, бѣлая съ коричневыми пятнами, а не грязновато сѣрая, какъ все коровы въ Индіи. Все трепали ее по шеѣ и говорили: dear old cow, а одинъ весельчакъ изъ офицеровъ пустилъ ей въ ноздри сигарнаго дыму, за что мясникъ очень разсердился.

Вотъ, наконецъ, разступились давно уже видѣвшіяся, выдвинутыя подземною силою изъ воды скалы, и бѣлые Аденскіе дома показались во всей своей казарменной прелести у подножія черной шапкообразной горы.

Что за ужасное мѣсто Аденъ! Здѣсь ничто никогда не растетъ. Любители зелени уставляютъ свои террасы жестяными крашеными кактусами. У одной знакомой мнѣ дамы былъ, когда она жила въ Аденѣ, зеленый коврикъ съ длинною шерстью, чтобъ ея дѣти не скучали по англійскимъ лужайкамъ. Овощи и фрукты привозятся изъ Египта. Систерны во дворахъ наполняются рѣдкими дождями, единственныя природныя въ Аденѣ воды. Когда же и систерны пересыхаютъ, что бываетъ каждый годъ нѣсколько мѣсяцевъ, воду привозятъ изъ Индіи, или Европы. Для того, чтобы понять всю непривлекательность этого города довольно сказать, что ни одинъ соскучившійся по землѣ до болѣзни путникъ никогда не соблазнялся высалиться въ Аденѣ на берегъ, хотя бы парохоль стоялъ цѣлый день.

Хуже Адена только островокъ Перимъ въ самомъ проливѣ изъ океана въ Красное Море. О немъ у Англичанъ разсказываютъ двѣ забавныя легенды. Первая изъ нихъ о томъ, какъ Англичане завладѣли имъ. Перимъ такъ неприютенъ, бесполезенъ и малъ, что даже Британцамъ не хотѣлось обозначить его буквой *A* въ скобкахъ на географическихъ картахъ. Въ одинъ прекрасный день въ виду Адена вдругъ появляется французская эскадра. Аденскій генераль-губернаторъ глядитъ въ подозрную трубку, сзываетъ своихъ домочадцевъ и рѣшаетъ узнать, чего понадобилось *моссу*, какъ Джонъ-Буль называетъ Французовъ. Обѣ націи салютуютъ другъ другу, стрѣляютъ изъ пушекъ, и путешественники приглашаются на пиръ хозяевами Адена. *Моссу* хитритъ и притворяется странствующимъ изъ любознательности. Но за ужиномъ съ обильными возліаніями начальникъ эскадры

вдругъ впадаетъ въ чувствительность и признается, что они приплыли овладѣть Перимомъ. Поощряемый сладкими словами губернатора, онъ рассказываетъ, что „la belle France, sa patrie“, надѣется воротить себѣ островъ св. Маврікія при помощи господства въ Бабэль-Мандебскомъ проливѣ. Британецъ притворяется ужасно сочувствующимъ святому дѣлу и обѣщаетъ вооруженную помощь въ случаѣ нужды, которой, конечно, не представится, такъ какъ на Перимѣ не только людей, но даже и насѣкомыхъ нѣтъ. На другой день, когда готовая къ бою эскадра подошла къ Периму, начальникъ ея былъ встрѣченъ на берегу уже основавшимся тамъ адъютантомъ губернатора, незаметно исчезнувшимъ наканунѣ съ аденскаго япра. На островѣ развѣвался британскій флагъ, а матросы, сопровождавшіе ловкаго адъютанта, приступили къ постройкѣ англійскаго маяка. Другая легенда объ Ирландцѣ поручикѣ, пристраженномъ съ командой сипаевъ наблюдать за перимскимъ маякомъ. Перимъ уже былъ нѣсколько лѣтъ англійскою территоріей, и аденскій губернаторъ былъ готовъ голову потерять, такъ какъ ни одинъ изъ поручиковъ, командированныхъ на островъ, не выживалъ тамъ и полугода. Одинъ сошелъ съ ума, другой допился до *delirium tremens*, третій бросился съ маяка въ море. Наконецъ, поручикъ О'Флингъ, родомъ Ирландецъ, самъ вызвался туда ѣхать и къ восторгу губернатора прожилъ тамъ не только шесть мѣсяцевъ, но годъ, а затѣмъ и полтора, и два года, и все время писалъ рапорты, исполненные довольства своею судьбой. Наконецъ, оказалось, что О'Флингъ проживалъ все это время въ Лондонѣ, преспокойно сочинялъ рапорты въ своемъ клубѣ и пересылалъ ихъ губернатору изъ Перима, съ помощью вѣрнаго сипая.

Теперь на Перимъ уже больше не посылаютъ поручиковъ.

Сіамъ нашъ, наконецъ, бросилъ якорь и сталъ саженьяхъ въ двухъ отъ печально торчавшихъ изъ воды мачтъ большого парохода, приналежавшаго французской компаніи *Messagerie Maritime*. Онъ былъ такъ избитъ монсуномъ, что не могъ дойти до берега и потонулъ въ виду Адена. Людей на немъ было больше трехсотъ человѣкъ, и всѣ, говорятъ, были спасены.

Мы думали, что будемъ сейчасъ же переправляться на новый пароходъ той же англійской компаніи, и всѣ повытаскивали на палубу свой багажъ. Но ждать пришлось еще много часовъ подъ прямыми невыносимыми лучами солнца, и мы измаялись, оберегая мелкую поклажу отъ вороватыхъ сыновъ Аравіи, нахлынувшихъ

на пароходъ со всѣхъ сторонъ для открытой продажи страусовыхъ перьевъ и яицъ, и винтообразныхъ роговъ какихъ-то горныхъ козъ и для тайнаго грабежа всего, что подь руку попадетъ. Какъ ни разгонял Арабовъ, чуть не выбрасывая ихъ за бортъ, особенно ихъ мальчишекъ, прыгавшихъ вокругъ насъ и повторявшихъ на распѣвъ: *give me a chilling*,—избавиться отъ нихъ не было возможности. Они очень черны, куда чернѣе самаго чернаго Индуса. Когда я ихъ видѣла въ первый разъ, были сумерки, и они, при свѣтѣ пароходнаго электричества, показались мнѣ настоящими исчадіями ада, съ ихъ голыми, тонкими и гибкими тѣлами, въ которыхъ, кажется, нѣтъ ни одной кости, съ ихъ породистыми, мелкими, сухими чертами лица и сверкающими зрачками.

Мы такъ долго ждали, что совсѣмъ бы соскучились, еслибы не лейтенантъ Н., дававшій намъ даровое представленіе. Какой-то, очевидно, важный чиновомъ миссіонеръ изъ перваго класса, узнавъ, что между нами находится укушенный бѣшеною собакой, написалъ лейтенанту Н. письмо, исполненное утѣшеній и увѣщаній обратиться, наконецъ, къ англиканской церкви, какъ къ любящей матери, съ сердечнымъ покаяніемъ предъ ужасною, ожидающею его смертью, да спасетъ она его отъ еще ужаснѣйшихъ мукъ ада. Адъ и чорта англійскіе миссіонеры вообще знаютъ прекрасно и пользуются ихъ услугами при обращеніи христіанъ гораздо больше, чѣмъ проповѣдью любви. Поручикъ Н. читалъ письмо во всеуслышаніе, съ собственными добавленіями и комментаріями, взвылъ нѣсколько разъ и, наконецъ, упалъ въ обморокъ.

Тѣмъ не менѣе, я увѣрена, что письмо миссіонера взволновало мистера Н. Возставъ изъ своего обморока, онъ вздумалъ поиграть въ шахматы, но шахматная доска оказалась занятою двумя почтовыми чиновниками. Буйный лейтенантъ выхватилъ доску изъ ихъ рукъ, рассыпавъ при этомъ шашки и выдернувъ изъ-подъ одного изъ нихъ стулъ съ такимъ видомъ, будто они что-то такое, чего и замѣтить нельзя. Коричневое лицо взбѣшеннаго почтара покрылось желтыми пятнами, онъ налетѣлъ на Англичанина, дрожа всѣмъ своимъ маленькимъ, худенькимъ тѣломъ, какъ разъяренный пѣтушокъ.

— *Whom are you insulting?* Кого вы смѣете оскорблять? повторялъ онъ невѣрнымъ отъ бѣшенства и слезъ голосомъ.— Кого?

— Васъ, спокойно отвѣчать офицеръ, усаживаясь за шахматы. Но бѣдный почтарь не унимался, мѣшая ему играть. Видя это, лейтенантъ Н. выхватилъ изъ его же рукъ палку, замахнулся на него и раза два ударилъ со всего размаха. На помощь товарищу сбѣжались всѣ почтовые чиновники. Вышла отвратительная свалка.

Черезъ часъ не болѣе я опять увидѣла уже совсѣмъ спокойнаго пострадавашаго вертящимся вокругъ тѣхъ же офицеровъ и старающимся вступить съ однимъ изъ нихъ въ миролюбивую бесѣду.

Наконецъ съ парохода, долженствовавшаго ствезти насъ въ Европу, пришелъ за нами паровой катеръ. Хотя на пароходѣ совсѣмъ не было замѣтно волненія, но катеръ нырялъ таки пречувствительно.

Большой и быстрый *Чусанъ*, названный такъ по китайскому островку, отъ котораго онъ ходитъ въ Лондонъ, пересѣкъ область монсуна поперекъ и покончилъ съ нимъ въ три дня, а мы тащились по линіи его, да еще на пароходѣ, который за старостью былъ проданъ Нѣмцами англійской компаніи и который боятся выпускать изъ порта больше, чѣмъ на недѣлю, такъ какъ ждуть съ каждымъ рейсомъ, что онъ потонетъ.

Оправдалось предсказаніе маленькаго сіамскаго доктора: мой мужъ чувствовалъ себя такимъ здоровымъ и бодрымъ, что даже глядѣлъ совсѣмъ иначе. И вообще переходъ отъ бурь къ покою, отъ всевозможныхъ бѣдъ къ удобству былъ такъ внезапенъ и полонъ, что жизнь на *Чусанъ* навсегда останется однимъ изъ моихъ лучшихъ воспоминаній.

Отъ сѣдовласаго статнаго капитана, приходившаго къ намъ каждое утро съ докторомъ и дежурнымъ офицеромъ освѣдомиться всѣмъ ли мы довольны и не можетъ ли онъ что-нибудь для насъ сдѣлать, до послѣдняго матроса, всѣ казались ласковы и общительны. Все смотрѣло привѣтливо.

Первые дни послѣ Адена на Красномъ Морѣ видѣть нечего, кромѣ яркой воды и еще болѣе яркаго, безоблачнаго неба. Мы должны были предаваться исключительно разсматриванію другъ друга и пароходныхъ обывателей.

Жизнь наша потекла тихо, спокойно и ровно. По утрамъ, когда солнце еще не успѣло накалить пароходъ, мы всѣ ходили взадъ и впередъ, какъ звѣри въ клѣткѣ. Предъ вечеромъ, который на Красномъ Морѣ приходитъ, какъ и въ Индіи, сразу, безъ сумерокъ, путники забавлялись бросаніемъ тугихъ веревочныхъ

волець въ ушатъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ или мѣшочковъ со свинцовой тяжестью на расчерченную цифрами доску. Въ первой игрѣ особенно отличался юный Китайчонокъ, не умѣвшій ничего сказать ни на одномъ европейскомъ языкѣ, кромѣ того, что онъ ѣдетъ изъ Сингапура въ Марсель. Послѣ поздняго обѣда, посидѣвъ на темной, сразу похолодѣвшей палубѣ, всѣ уходили внизъ, пили пиво и портеръ, курили и слушали музыку, пока не приходилъ часъ отхода ко сну.

Музыка была совсѣмъ другая, чѣмъ на *Сіамѣ*. Между музыкантами выдавался одинъ рыженькій пожилой помощникъ капитана, пикивавшій на скрипичѣ попури изъ *Нормы* и *Роберта Дявола*, подъ аккомпаниментъ одной изъ вдовъ, которыхъ съ нами было нѣсколько, какъ это всегда бываетъ на колоніальныхъ пароходахъ.

Еслибы Ноевъ Ковчегъ былъ населенъ не животными разныхъ породъ, а людьми разныхъ народностей, то его можно было бы смѣшать съ однимъ изъ пароходовъ, ходящихъ изъ колоній въ Европу.

Капитаны, его помощники, докторъ, главный буфетчикъ и т. д. обыкновенно бываютъ одной національности: Французы, Англичане или Итальянцы. Матросы всѣ индійскіе мусульмане, одѣтые въ тугіе, красные плосковерхіе турбаны на бритыхъ головахъ, въ длиннополые казакины изъ голубой холстинки и болтающіеся на худыхъ ногахъ бѣлые панталоны, изъ кокетства обшитые на концѣ тесемочкой или даже прошивкой. Кочегары а вообще чернорабочіе—негры съ Мозамбика, или съ юга Индіи, гдѣ бывшіе рабы негрскаго племени, отпущенные на свободу, живутъ большою колоніей, не смѣшиваясь съ кореннымъ населеніемъ.

Ихъ щелканіе и пришепетываніе было очень самобытнымъ прибавленіемъ къ гортанному говору матросовъ и разнообразнымъ образцамъ европейскихъ рѣчей, раздающимся во всѣхъ концахъ парохода. Они и одѣваются особенно, то-есть можно сказать совсѣмъ не одѣваются, изрѣдка, коль станетъ холодно, прикрываясь грязнымъ рубищемъ. Они ужъ настоящіе негры, не похожіе по типу ни на одно племя Индіи и рѣзко отличающіеся отъ тѣхъ чернокожихъ людей, которыхъ намъ случалось видѣть по побережьямъ Краснаго Моря.

Между путешественниками и служащими были и Англичане, и

Ирландцы, и Шотландцы, и Французы, и Греки, были, наконецъ, Китаецъ и Русская.

Первый день, проведенный нами на новомъ пепелищѣ, оказался воскресеньемъ. Обыкновенно на пароходѣ среди путниковъ найдется хоть одинъ клэрджименъ, его пригласятъ въ каютъ-компанию перваго класса, какой-нибудь матросъ - христіанинъ обойдетъ всѣ каюты, изрѣдка постукивая въ звонкій гонгъ, и всѣ соберутся къ обѣднѣ.

Я не пошла въ англиканскую церковь, какъ въ такихъ случаяхъ называется зала перваго класса, а сошла внизъ за Евангелиемъ и стала читать, устроившись въ тѣни. Но почитать мнѣ не удалось какъ слѣдуетъ; очень скоро изъ-подъ лодки, за которой я сидѣла, начали выглядывать любопытныя голубоглазыя и бѣлокуроныя дѣтскія головы. Это были дѣти вдовы, вѣхавшей изъ Гонконга. Не было и шести недѣль со смерти ихъ отца, англійскаго солдата, служившаго въ Китаѣ, и ихъ мать еще не пришла въ себя послѣ первыхъ порывовъ глубокаго горя. Дѣти были вполне предоставлены самимъ себѣ. Ихъ было семь отъ девяти и до двухъ лѣтъ, кормиль ихъ кто-нибудь изъ жалостливыхъ пассажировъ или горничная, а черные матросы, характерная черта которыхъ самая нѣжная любовь къ чужимъ дѣтямъ, то и дѣло захватывали ихъ на лету при паденіи съ крутой лѣстницы и снимали съ бортовъ, откуда они грозили свалиться въ море.

Мнѣ было жалко отогнать ихъ отъ себя при первомъ же знакомствѣ, и, какъ я ни старалась удержать ихъ въ порядкѣ, они не дали мнѣ дочитать главу.

Чтобъ избѣжать надоѣвшихъ мнѣ политическихъ разговоровъ хоть съ младенцемъ Джонни, я принялась показывать ему и его сестрамъ картинки въ *Mensonge* Бурже, а потомъ предложила всей компаніи идти смотрѣть обезьянъ и попугаевъ, принадлежащихъ матросамъ.

Съ большимъ трудомъ мы спустились съ винтообразной лѣстницы на нижнюю палубу, причемъ одна изъ младшихъ дѣвочекъ ерпчала и пряталась въ складкахъ моего платья, пугаясь черныхъ лицъ матросовъ, съ несказанною добротой помогавшихъ мнѣ при переправѣ.

Попеченія и нѣжность, съ которою эти люди относятся къ своимъ любимцамъ, всевозможнымъ животнымъ, положительно трогательны. На *Чусанъ* было полдюжины мелкихъ обезьянъ,

была кошка съ котятами, были кролики и собачка съ однимъ торчащимъ ухомъ, а другимъ смѣшно и упрямо загибавшимся внизъ; и за всѣмъ этимъ суетливымъ міркомъ успѣвають при-смотреть и прибрать и безъ того занятые матросы. Каждый день, когда приходилъ часъ обѣда, мы видѣли какъ старшой, важный матросъ со свисткомъ на серебряной цѣпочкѣ отдѣлялъ отъ общаго риса съ бараниной и овощами маленькія кучки для каждаго изъ своихъ питомцевъ. Свѣжую капустку и морковь для кроликовъ было поручено добывать старому, сѣдому негру. Мы часто забавлялись зрѣлищемъ гонящихся за этимъ воровъ поваровъ съ кастрюлями и скалками; негръ ловко удиралъ отъ нихъ, взбирался на мачты и дразнилъ ихъ оттуда гримасами, какъ настоящій шимпанзе. Но чуть голова въ бѣломъ колпакѣ отвернется, негръ успѣетъ стащить листокъ капусты и съ торжествомъ бѣжить къ бѣлымъ кроликамъ, которые всѣ кидаются ему навстрѣчу. Мы предлагали ему денегъ для ежедневной покупки овощей, но онъ отказался: вѣрно такъ ему было веселѣе. У Италинца-матроса было нѣсколько ученыхъ мышекъ. Надъ нашими головами раскачивались, треща безостановочно, пугаи, посвистывалъ скворецъ и прыгало множество хорошенькихъ мелкихъ индійскихъ пташекъ въ кѣтъкахъ.

И дѣти, и я сама полюбили этотъ звѣринецъ и часто навѣщали его, всегда радушно принимаемыя его хозяевами.

Предъ приходомъ въ Суэзъ мы всѣ замѣтили толпу матросовъ, которые такъ кричали и махали руками, что будь среди насъ Tartarin, онъ непременно бы подумалъ, что это бунтъ въ открытомъ морѣ, а это было просто сборище, рѣшившее проколоть уши двумъ новорожденнымъ мартышкамъ и обсуждавшее, какой формы серьги они имъ покупать въ складчину на Суэзскомъ базарѣ.

Мы часто съ европейскою безцеремонностью смотрѣли на молящихся мусульманъ. Они вообще крѣпко блюдутъ свои обычаи, но тутъ на нихъ дѣйствовала еще и близость Мекки съ Медной. На солнечныхъ закатахъ матросы положительно замирали на колѣнахъ съ поднятыми къ небу руками, въ упоръ глядя вслѣдъ опускающемуся на свое водяное ложе свѣтлу.

Съ нами ѣхала одна некрасивая, но презавимательная Англичанка. Мы прозвали ее Станлеемъ за то, что въ дорогъ она носила точно такую же полотняную фуражку съ козырькомъ, какую обыкновенно рисуютъ на головѣ этого путешественника.

Вотъ эта миссъ Станлей постоянно восхищалась молитвеннымъ экстазомъ мусульманъ и по этому поводу у нея вышла стычка съ тѣмъ миссіонеромъ, который писалъ поручику Н. письмо съ призывомъ къ покаянію.

— Посмотрите на нихъ, говорила разъ она, глядя на молящихся матросовъ.—У кого изъ насъ нашлось бы глубокое чувство такъ уйти въ молитву, несмотря на возможные насмѣшки, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ. Вотъ мужество и высокая вѣра!

— Сударыня, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, вмѣшался задѣтый за живое миссіонеръ.—Мусульмане такіе же грубые язычники, какъ и всѣ народы въ мірѣ, не принадлежащіе къ нашей церкви.

Но встрѣтивъ рѣзкій отпоръ, проповѣднякъ не сталъ возражать и скоро ушелъ. Мы думали, что тѣмъ дѣло и кончится. Но на другой день, къ нашему общему удивленію, дѣти стали очевидно убѣгать отъ миссъ Станлей. Я подозвала одну изъ дѣвочекъ и спросила въ чемъ дѣло.

— Ma'says she is a bad lady! былъ отвѣтъ.—Мама говоритъ, что она скверная дама.

— Почему такъ? Она, вѣдь, очень добра къ вамъ.

Я знала, что, путешествуя съ ними съ начала, она принимала горячее участіе и словомъ и дѣломъ во вдовъ и сиротахъ.

— Да, но теперь мама не хочетъ, чтобы дѣти играли съ ней, а я и сама не буду, повторяла дѣвочка.—Она не вѣритъ въ Бога.

— Но кто же могъ вамъ сказать такую неправду.

— Reverend Smith, и онъ говоритъ правду.—Ma'says she is no good.

Оказалось, что пасторъ побывалъ у вдовы, разспрашивалъ о ея покойномъ мужѣ и будущемъ дѣтей и успѣлъ возстановить ее противъ особы, отъ которой вотъ уже больше мѣсяца ничего, кромѣ добра, не вдала.

Протестантизмъ и особенно его секты въ нетерпимости своей далеко обогнали католиковъ, хотя весь протестантскій сѣверъ Ирландіи только и дѣлаетъ, что вопіеть противъ безнравственныхъ запугиваній и происковъ католическаго духовенства въ ея южныхъ графствахъ.

Пароходныя развлеченія, включая туда игры, обезьянъ, негровъ и пріятные разговоры, начинали всѣмъ пріѣдаться. Всѣмъ хотѣлось опять увидать землю. Со скуки господа офицеры

придумали „обангличанивать“, какъ они выражались, ѣхавшаго съ нами Китайченка, и страшно хохотали, когда онъ, послѣ перваго же стакана соды съ виски, начиналъ заплетать ногами.

Наконецъ, подъ вечеръ, уже на пятый день послѣ Адена, мы увидѣли скалы, давшія морю его названіе.

Сколько безмолвныхъ тысячелѣтій должно было пронестись надъ этимъ пустыннымъ побережьемъ, чтобы такъ выжечь, вывѣтрить и искрошить его утесы, чтобы его клокочущіе кратеры, выдвинувъ на лицо земли безконечныя каменные громады, смирились и замолкли на вѣки.

Скалы давятъ душу путника своею непріютностью, своимъ вѣковѣчнымъ одиночествомъ. Все мертво вокругъ нихъ и на нихъ. Иногда только крылатыя рыбки стаями перелетаютъ съ волны на волну, грѣясь и играя на солнцѣ. По ночамъ только свѣтящіяся искры и пятна разбѣгаются по темнымъ водамъ, мѣшаясь съ отблесками звѣздъ, которыя словно стараются разглядѣть съ небесъ, что за безмолвное дѣтище родилось тамъ, внизу отъ мрака и пустыни.

Страшны скалы Краснаго Моря, но прекрасны. Когда солнце парить въ вышинѣ, онѣ стыдливо прячутся въ дымку горячаго свѣта. Но вечеромъ, когда солнце уже скрылось за ними, но все еще горитъ и пышетъ вокругъ, онѣ еще лучше. Темнозеленое море, яркіе желтые пески у подножія изкрасна коричневыхъ горъ, алый отблескъ надъ ними, а еще выше синее небо, и чѣмъ выше тѣмъ синѣе, пока, наконецъ, громадныя блестящія звѣзды не заставятъ все казаться и темнымъ и незначительнымъ. Ни одинъ живописецъ не рѣшится положить рядомъ такіе яркіе цвѣта, какими блестятъ Красное Море, а если и рѣшится, то никто ему не повѣритъ.

Разъ ночью я забралась на самый носъ парохода, такъ что за незначительными тоненькими перилами начиналась уже пустыня. Море все сверкало фосфорическими искрами, пароходъ былъ окутанъ легкимъ туманомъ. Яркость звѣздъ на югѣ была для меня тогда еще новостью, и я рѣшительно не могла различить, гдѣ кончается вода и гдѣ начинается воздухъ. Я глядѣла прямо предъ собой, шумный пароходъ не существовалъ для меня, и я стояла очарованная въ какомъ-то небываломъ, прозрачномъ и свѣтящемся пространствѣ, не на землѣ и не на небѣ. Даже страшно сдѣлалось.

Днемъ мы часто фантазировали, глядя на скалы. Поверхность

ихъ очень неровна: то островерхiя жилы прямою чертой сползаютъ къ морю, словно потокъ лавы, то будто гигантскiя лѣстницы, то чудятся зубчатая крѣпости, и страшные свазочные драконы и чудовища. кажется, копошатся въ разсѣлипахъ. Вотъ-вотъ, думается, одинъ изъ нихъ взмахнетъ зубчатыми крыльями и полетитъ, неуклюже свивая въ воздухъ хвостъ. Въ этой мѣстности игра свѣта и тѣней удивительная.

Но сколько человѣкъ ни строй воздушныхъ замковъ, ему придется спуститься на землю, и когда мы приближались къ Суэзу, берега Краснаго Моря мнѣ такъ успѣли примелькаться, что казались мнѣ взорамъ очень прозаическими. По мѣрѣ приближенiя къ Суэзу, вода мѣняетъ свою окраску, изъ прозрачной темносиней она становится голубою, словно въ море набросали сперва горы синьки, а потомъ стали прибавлять крахмалу, такъ что оно и посвѣтлѣло и стало мутнымъ. У самаго же Суэза дно такъ мелко, рыжіе пески такъ близки отъ поверхности, что вода становится мутнозеленою, выцвѣтаетъ какъ давно ненощенная, залежавшаяся бирюза.

Было около часу дня. Мы рѣшили не высаживаться на берегъ, зная, что завтра насъ ждетъ долгая стоянка въ Портъ-Саидѣ, точь-въ-точь похажемъ на Суэзъ. Чусанъ очень скоро былъ посаженъ и взятъ съ бою множествомъ разноплеменныхъ искателей наживы.

Отуречившіеся Европейцы въ фескахъ и съ сигарами, и офранцузившіеся разноплеменные туземцы продавали груды фотографій Египта, Краснаго Моря, Суэскаго канала съ его двумя городами и цѣлое наводненiе портретовъ Лесепса.

Лесепсъ, прорывшій каналъ и изъ ничего создавшій на его противоположныхъ концахъ Суэзъ и Портъ-Саидъ, живетъ въ сердцахъ тысячъ народа, кормящагося въ этихъ песчаныхъ мѣстахъ, какъ несравненный герой, какъ какой-то мифологическій полубогъ. Пройдутъ вѣка и, можетъ-быть, все созданное этимъ человѣкомъ будетъ поглощено ненасытною пустыней, но память о немъ не исчезнетъ, и придв въ будущую на этомъ мѣстѣ пустыню черезъ тысячу лѣтъ какой-нибудь ясновидящій медиумъ, онъ увидитъ въ эфирѣ безчисленныя отраженiя фотографій Лесепса, трепещущими въ небѣ, появляющимися на пескѣ, и колеблющимися на далекихъ волнахъ. Лесепса сидящаго. Лесепса стоящаго. Лесепса en face, въ профиль, съ семействомъ и въ одиночку.

Еще и еще причаливали лодки къ *Чусану* каждую минуту съ торговками, съ праздными зѣваками, спѣшившими, по привычкѣ южныхъ народовъ, безцѣльно на людей посмотреть и себя показать, съ новыми пассажирами изъ центровъ страны, такъ какъ въ Суэзъ проведена желѣзная дорога изъ Каира. Толпа на палубѣ становилась все гуще, отъ накиданнаго всюду товара ступить было некуда. Какой-то, не то итальянецъ, не то славянинъ, съ воодушевленіемъ вытягивалъ на концертно „любовь дитя непостоянства,“ прижмуриваясь, кивая головой и то отдаляя инструментъ, то прижимая его къ своей груди. Мельканіе сотенъ лицъ, фески, нѣсколько молчаливыхъ, застывшихъ въ неподвижности и сиѣ пароходовъ и кораблей. Направо тѣ же выжженные утесы, налѣво за яркимъ моремъ тоже сонливый городокъ съ желтыми и бѣлыми досками, съ красными крышами и рѣдкими кучами зелени, а за ними пески, пески, танущіеся на сколько глазъ хватить.

— Чтò жь это вы уединились? позвала меня съ нижней палубы миссъ Станлей.— Тутъ удивительный фокусникъ.

Въ Индіи мнѣ случалось видѣть много очень ловкихъ фокусниковъ, и на этотъ разъ я не ждала ничего особеннаго, но была удивлена одною изъ продѣлокъ джонглера. Ее никакъ нельзя объяснить обыкновенною ловкостью рукъ и ловкимъ обманомъ зрѣнія, съ помощью заранѣе приготовленныхъ коробокъ съ двойнымъ дномъ, нитокъ, магнитовъ, и тому подобнаго.

Миссіонеръ стоялъ ближе всѣхъ къ Арабу, являя своею наружностью полную противоположность сыну пустыни. На его лицѣ изображалось брюзгливое неудовольствіе и даже нѣкоторый страхъ. Онъ съ видимою досадою ощупалъ палку, которую тотъ собирался глотать и которая предварительно переходила между зрителями изъ рукъ въ руки.

— Подумайте вы, маленькія! говорилъ подгулявшій солдатъ дѣтямъ, съ суевѣрнымъ ужасомъ глядя на пчезавшую въ нѣдрахъ фокусника палку.— Теперь эта палка однимъ концомъ уперлась ему въ животъ, а другимъ щекочетъ его мозги.

Вдругъ Арабъ обратился къ миссіонеру, улыбаясь и противно скаля зубы.

— Гдѣ мой носъ? торжествующимъ голосомъ спросилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, развелъ руками и сказалъ, выговаривая *debil*, вмѣсто *devil*; *Debil took ih!* Чортъ его взялъ.

— *Devil Will take you too, if you dont look out!* только-и

нашелся произнести грозный миссіонеръ.—Чортъ п тебя возьметъ, если ты не остережешься.

Въ заключеніе представленія Арабъ, вмѣсто палки, вынулъ пзорта нѣсколько дюжинъ яицъ, кудахтая все время, какъ наѣдка, потомъ поглоталъ пкъ всѣ п, собравъ подаваніе, ушелъ такой же тощій п изсохшій, какимъ пришелъ.

Уже давно прозвонилъ колокольчикъ къ чаю, а палуба все не пустѣла. Отъ продавцовъ положительно не было отбою.

Они всѣ протискивались за нами въ столовую, п потомъ многихъ вещей мы не досчитались по каютамъ.

Труба уже два раза ревѣла, возвѣщая объ отходѣ парохода, а пестрая толпа п не думала забирать свои товары п все еще ожесточенно гонялась за путешественниками. Пароходъ, наконецъ, двинулся, медленно входя въ Суэзскій каналъ, п, только протациявшись съ нами миль двѣ, наши притѣснители стали прыгать за бортъ въ лодки, какъ испуганное сборище лягушекъ.

IV.

Портъ - Саидъ.

Потянулся нескончаемый Суэзскій каналъ. Канава грязкой воды, особенно неприглядная послѣ яркихъ красокъ Краснаго Моря, до того узкая, что, кажется, двумъ средней величины пароходамъ въ ней никакъ не разминуться.

Несмотря на это, пароходы встрѣчались очень часто, медленно скользя мимо *Чусана*; путники успѣвали переговариваться: одинъ шустрый пароходикъ греческой компаніи съ грузомъ пзъ кокосовъ п банановъ даже обогналъ насъ. Только тутъ ясно сознаешь, что Красное Море далеко не такая узенькая дужница, какою всѣ его привыкли считать, глядя на карты; только тутъ мы поняли, что даже п не замѣтили постоянно шмыгающихъ по немъ взадъ п впередъ судовъ.

Стороны канала, то выложенныя кирпичами, то вымазанныя привозною упорною глинной, едва сдерживаютъ напоръ песковъ.

Изрѣдка на разстояніи многихъ миль домышко сторожа подъ припекомъ на откосѣ. Чахлый олеандръ или пальма въ садикѣ, собака, нѣсколько куръ, все такое заморенное, что при взглядѣ на нихъ становится еще жарче. А жара такая, что никакой

индійскій жаръ. сворачивающій ваши столы въ закупоренныхъ комнатахъ въ трубочки, ему и въ подметки не годится. Двойной навѣсъ надъ пароходомъ только дразнить жаръ, и онъ на зло ему пробирается еще пуце черезъ парусину, подымается отъ палубныхъ досокъ, пышетъ съ боковъ. Подвижныя горы песковъ все ближе и ближе подвигаются къ водѣ. Бѣда, если подыметъ дремлющій раскаленный вѣтеръ. Онъ принесетъ тучи горячаго песку на палубу, переломаетъ его тяжестью тонкія снасти, засыплетъ имъ всѣ выходы, наложить толстый слой его на каждую вещь въ каютахъ. Потемнѣетъ тогда небо и солнце скроется изъ глазъ путниковъ.

Мы всѣ позабыли было о настоящихъ жарахъ, двигаясь въ открытомъ морѣ и по ночамъ наслаждаясь сравнительною прохладой. Солнопека на Суэзскомъ каналѣ никто не могъ вынести, всѣ попрятались по каютамъ, да и то сидѣли и лежали съ вѣерами, обливаясь потомъ и едва дыша.

Рѣдкія звѣзды ужъ начинали мигать въ серебристой выси; тоненькій рожокъ мѣсяца тихо свѣтился невысоко надъ горизонтомъ въ розовомъ полусвѣтѣ, и чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ краснѣе становился небосклонъ. По отдалявшемуся отъ насъ берегу беззвучно шагали караванъ верблюдовъ, и ихъ горбатые, длинноногіе силуэты рѣзко выдѣлялись въ красноватой мглѣ пустыни. Вотъ раздался протяжный окрикъ передоваго погонщика, ему глухо отвѣтили издалева, съ конца длинной цѣпи верблюдовъ. И опять все стало тихо, тихо на землѣ, на небѣ и на водѣ.

Чусанъ выходилъ изъ узкаго канала въ Измаильскія соленыя озера. Искусственное русло, по которому только и могутъ ходить большіе пароходы въ мелкихъ озерахъ, съ обѣихъ сторонъ было уставлено рядами качающихся отъ мелкой зыби фонарей. Скоро совсѣмъ стемнѣло: мы миновали и эту водную улицу и плыли по серединѣ озера, далеко отъ береговъ.

Между путниками словно тихій ангелъ пролетѣлъ. Не было слышно ни взрывовъ смѣха, ни громкаго шѣпота, ни криковъ; въ отдѣльныхъ группахъ, по уголкамъ велись только сдержанные разговоры, вполголоса. Всѣ, казалось, ждали чего-то, чутко прислушивались къ чему-то.

Дышалось совсѣмъ иначе, воздухъ былъ совсѣмъ другой. То и дѣло въ немъ проносились свѣжія, не холодныя, но бодрящія, оживляющія струи. Средиземное море быстро приближалось къ

намъ, Европа была уже не далеко отъ насъ. Всѣмъ чувствовалось ея вѣяніе, заставляя всѣхъ призадумываться и волноваться чувствами, въ которыхъ радость такъ похожа на тихую грусть, а грусть на свѣтлую радость.

Не даромъ Англичанинъ, гдѣ бы онъ ни родился, гдѣ бы ни проводилъ свою жизнь, въ Канадѣ ли, или Австраліи, зоветъ умиляющимъ его словомъ *home* только свою старую Англію.

Ужъ огни жалкой при дневномъ свѣтѣ Измаиліи привѣтливо замелькали намъ, отражаясь длиннымъ слѣдомъ въ водѣ, и успѣли исчезнуть, мѣсяцъ тоже давно сошелъ съ небосклона, темная ночь воцарилась надъ нами, пароходъ нашъ снова вошелъ въ русло узкаго канала, а мы все еще не расходились, словно боясь, что дорогая намъ фантазмагорія разсѣется, лишь только мы войдемъ въ скучныя клѣточки каюты.

На другой день съ ранняго утра новыя, разнообразныя, пестрыя впечатлѣнія. *Чусанъ* остановился у Портъ-Саида въ восемь часовъ утра. Онъ сталъ такъ близко къ берегу, что цѣльнаго представленія о городѣ невозможно было составить. Обрадовавшіеся возможности проматься, путники толпились у сходней и поспѣшно рассаживались въ лодчонки съ ситцевыми яркими навѣсамп, чтобы проплыть двѣ, три сажени до берега.

Въ маленькомъ челночкѣ у самыхъ сходней стоялъ попрошайка, смуглый мальчишка, въ очень живописныхъ лохмотьяхъ, съ хитрымъ и удивительно веселымъ лицомъ, и привѣтствовалъ всѣхъ безъ разбору, мужчинъ или женщинъ, Англичанъ или не Англичанъ, неизмѣннымъ восклицаніемъ: *Good morning, mister Ferguson!*

Всякій улыбался мальчишкѣ, хотя между нами не было ни одного Фергюсона, и онъ, довольный, весело протягивалъ руку за подаваемъ.

Городокъ еще спалъ; обильно политая пыль на улицахъ еще не успѣла высохнуть и лежала жидкою грязью. Съ залпной уже солнечными лучами набережной мы вопли въ довольно узкія улицы. Тѣнь отъ домовъ ложилась на нихъ длинными косыми полосамп.

Въ Портъ-Саидѣ ничего, кромѣ лавокъ, нѣтъ; каждое зданіе, если не лавка цѣликомъ, то хоть нижній этажъ сдаетъ подъ лавки. Французскіе кафе, на окнахъ и полосатыхъ маркизахъ которыхъ объявленія на многихъ языкахъ о томъ, что здѣсь во всякій часъ дня и ночи можно имѣть мороженое и прохладительныя напитки. Греческія и птальянскія кухмистерскія, гдѣ васъ кормятъ

пряными приправами на оливковомъ маслѣ, вмѣсто кушаній. Вездѣ булочныя, кондитерскія, съ неизбѣжнымъ Turkish delight, овощныя и фруктовыя лавочки арбузовъ, дынь, помидоровъ, кокосовъ, финиковъ, абрикосовъ и сливъ, и ихъ помѣсей, неизвѣстныхъ въ Европѣ. Человѣкъ, забывающій о томъ, что городокъ живетъ путешественниками и для путешественниковъ, удивляется кто съѣстъ въ такомъ маленькомъ мѣстѣ всѣ эти припасы.

На лучшихъ улицахъ опять лавки, хотя другаго вида и содержанія. Знаменитыя египетскія папиросы и турецкій табакъ, раскупающіеся любознательными туристами, особенно Англичанами, на расхватъ, занимаютъ тутъ очень видное мѣсто. На окнахъ лавокъ и у дверей на улицахъ разставлено безчисленное множество бездѣлушекъ, хорошенекъ и самобытныхъ, носящихъ мѣстный отпечатокъ, которыя соблазнительно купить и легко унести. Тутъ есть и склады японскихъ и китайскихъ вещей, восточныхъ матерій, ковровъ, занавѣсокъ и скатертей, расшитыхъ арабскими надписями изъ Корана и пестрыми восточными узорами.

Насъ со всѣхъ сторонъ осаждали погонщики съ мелкорослыми ослими, осѣдланными сидѣніями для одного или двухъ человѣкъ.

Они выхваляли наперерывъ бѣгъ осликовъ, удобство сидѣній и даже ихъ роскошь, такъ какъ нѣкоторыя были обиты облѣзшимъ краснымъ бархатомъ и украшены бахромой.

— There, lady! Beady, lady! Nice donkey! His name Pretty Polly! неистово выкрикивалъ одинъ изъ погонщиковъ, суетясь и размахивая руками.

— My donkey name Two lovely black eyes! Better name, better donkey! вставилъ свое слово другой, до сихъ поръ молчавшій погонщикъ въ сѣрой войлочной скуфейкѣ.

Мы подивились, откуда портъ-саидскій Арабъ прослышалъ про любимую англійскую пѣсню, воспѣвающую подбитые въ драгѣ глаза, но все же не соблазнились прокатиться на его осленкѣ. Несмотря на всѣ наши отказы и сопротивление, а потомъ и полное невниманіе, эти два человѣка больше отъ насъ не отставали за все время нашей прогулки по Портъ-Саиду. Первый изъ нихъ то бесѣдовалъ со своимъ ослемъ большею частью на нашъ счетъ съ неподдѣльнымъ комизмомъ, то старался дразнить втораго, то назойливо вѣшивался въ нашъ разговоръ; второй молчалъ съ большимъ достоинствомъ, изрѣдка замахиваясь на ословъ, но брелъ за нами съ неменьшимъ упрямствомъ.

Я подумала, что должна же быть въ Портъ-Саидѣ греческая церковь.

Наши провожатые не сразу поняли французскія и англійскія объясненія—чего мы желаемъ, но вызвались насъ довести до церкви прямою дорогою. Должно-быть дорога была не очень пряма, потому что намъ пришлось еще съ полчаса побродить по узкимъ улицамъ, съ неказистыми грязноватыми домишками. изъ оконъ которыхъ на насъ любопытно глазѣли полуодѣтыя женщины съ папильотками на лбу и дѣти.

Греческая церковь, какъ мнѣ показалось, расположена совсѣмъ за городомъ. Но крайней мѣрѣ, домовъ почти не попадалось, а пустыри, огороженные досчатыми заборами, тянулись со всѣхъ сторонъ.

Черезъ покосившіяся ворота я вступила на гладко выметенный дворикъ, въ одномъ углу котораго лежали кучи известки, а въ другомъ подъ тѣнью забора сидѣли двѣ смуглыя женщины въ бумажныхъ платкахъ на головахъ и нѣсколько маленькыхъ дѣтей. Онѣ видимо перетревожились при моемъ появленіи; погоньщики ослось принялись имъ объяснять въ чемъ дѣло. Несмотря на ранній часъ, обѣдня была уже кончена, и священникъ, у котораго былъ ключъ отъ церкви, оказался ушедшимъ со двора. Пока за нимъ бѣгалъ одинъ изъ погоньщиковъ, я успѣла разсмотрѣть, что каменная церковь строилась или починалась, а образа и иконостасъ помѣщались временно въ деревянномъ баракѣ.

Когда, наконецъ, предо мной открылись двери сумрачной церкви, я увидѣла, что она вся въ травѣ и цвѣтахъ, какъ въ Троицынъ день. Посрединѣ стоялъ аналой съ образомъ двухъ святыхъ въ большомъ вѣникѣ изъ свѣжихъ бѣлыхъ лилій. Я, сбитая съ толку путешествіемъ и счетомъ новаго стиля, тутъ только вспомнила, что это былъ Петровъ день, 29 іюня, и длинный рой воспомнаній и чувствъ пронесся въ душѣ моей.

Мы пошли посидѣть въ хорошенькій городской садикъ, называющійся громкимъ именемъ Jardin de Lessepъ. Онъ совсѣмъ крошечный; по срединѣ павильонъ для музыкантовъ, поставленный на сталактитахъ; на грядкахъ тропическія растенія и олеандры, осыпанные роскошнымъ розовымъ цвѣткомъ, миндальный запахъ котораго силенъ до удушливости; по бокамъ дорожки выложены раковинами и папоротниками.

Утро уже давно смѣнилось жаркимъ днемъ. и праздное наро-

донаселеніе все высыпало на улицы. Въ саду играли довольно грязныя дѣти въ шелковыхъ и бархатныхъ изношенныхъ платьяхъ, въ которыхъ ясно видѣлось восточное безвкусіе и страстная охота подражать французскимъ образцамъ. Мамани ихъ тоже прогуливались, очевидно очень гордые своими несоразмѣрными турнирами и пестрыми платьями, съ слишкомъ короткими подолами и слишкомъ длинными хвостами. Вкусу мало, но за то дородность преобладаетъ. Глазъ пріятно отдыхалъ на одеждахъ рѣдкихъ на улицѣ турецкихъ женщинъ, спитыхъ изъ легкихъ шелковыхъ полосатыхъ матерій на подобіе обширнаго домино и вовсе не скрывающихъ ихъ стройныхъ подвижныхъ фигуръ. Газовый или шелковый вуаль въ родѣ полотенца съ прорѣзомъ для глазъ онѣ тоже умѣютъ носить такъ, что ихъ лица отъ этого только выигрываютъ, обѣщая быть красивѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. У рѣшетки сада собралась веселая толпа молодежи послушать молодца въ фескѣ, который наигрывалъ на пресмѣшной дудочкѣ: *c'est moi Nicolas! Ah, ah, ah!*

— Ты хорошо играешь. Поиграй еще! говорили вокругъ него, и жиденькіе звуки раздавались бойчѣе, и новые слушатели, должно-быть прикащики изъ лавочекъ, останавливались на полпути посмѣяться и поболтать. Очевидно, они всѣ знали другъ друга.

Городокъ вообще производитъ смѣющеея, веселое впечатлѣніе: вся его жизнь на улицѣ. Несмотря на многочисленность лавокъ, дѣла тутъ, кажется, мало дѣлается, потому что всѣ охотники до бездѣльнаго сидѣнья на солнцѣ и болтовни съ пріятелями.

Погоныщики ословъ не дали намъ спокойно спуститься въ лодку, они съ крикомъ требовали платы. Я попробовала возразить, что уже заплатила тому, который бѣгалъ за священникомъ.

— *Ils vous ont accompagnés*, заявилъ какой-то толстый черномазый человѣкъ въ широчайшей соломенной шляпѣ, котораго я сочла за праздношатающагося и который оказался какою-то набережною властью.

— Да, вѣдь, мы ихъ объ этомъ не просили, напротивъ!

— *Non, ils vous ont accompagnés, vous devez payer!* рѣшилъ онъ голосомъ, недопускающимъ возраженій.

На *Чусанъ* опять была ярмарка, фокусники и товары, но мнѣ хотѣлось отдохнуть, и я сошла въ каюту.

Портъ-Сандъ растянулся по набережной. Отчаливая, *Чусанъ*

двигался довольно скоро, но все-таки намъ еще долго мелькали дома, сложенные изъ досокъ и крашеные въ коричневый и темно-красный цвѣтъ, и деревца, покрытыя пылью, посаженные какъ по ниткѣ у домовъ. Потомъ показались доки съ машинами для очистки дна Суэзскаго канала и мастерскими для починки ихъ; потомъ потянулся молъ, невысокою стѣной далеко убѣгающій въ море. Крупные дельфины играли у стѣны, то выскакивая изъ воды, то опять, перекувыркнувшись въ воздухъ, тяжело плепаясь въ волны. Матросы выбросили за бортъ нѣсколько корзинокъ съ сочными желтыми мангами, похожими на громадные сливы. Эти индiйскiе плоды до такой степени нѣжны, что ихъ невозможно довести до Европы свѣжими. Ихъ во весь перѣздъ держали на льду, и все-таки они загнили, почернѣли и обратились въ кашу. Большая стая дельфиновъ сейчасъ же устремилась въ пароходный слѣдъ, хватая манги на лету и ныряя за ними въ пѣнившуюся воду. Послѣдняя манга исчезла изъ вида, и мы простились съ далекимъ жаркимъ югомъ. Мы вошли въ Средиземное море.

И слава Богу, что было такъ! *Чусанъ* шелъ на Мессинскiй заливъ, то-есть опять долженъ былъ сдѣлать длинный переходъ далеко отъ земли, въ безконечной панорамѣ неба и воды, и за нѣсколько дней отъ Портъ-Саида до Мессины нетерпѣнiе насъ замучило бы, еслибы мы постоянно не воображали себя въ европейскомъ морѣ.

Какъ рады мы всѣ были увидѣть снова сѣрыя и бѣлыя тучки на небѣ, скрывающiя по временамъ солнце и бѣгущiя по лону воды прозрачными темными пятнами. А настигшiй насъ неподалеку отъ Крита густой морской туманъ повергъ всѣхъ въ окончательный восторгъ. *Чусанъ* оглушительно ревѣлъ каждая пять минутъ, чтобы не наскочить въ туманѣ на какой-нибудь другой пароходъ. Кажется, особенно радоваться было псечего, а между тѣмъ каждый новый ревокъ поднималъ въ нашихъ сердцахъ новые порывы радости.

— Наконецъ-то, дождался! говорилъ совѣмъ больной путникъ, котораго всю дорогу выносила на палубу прислуга. Круглый годъ солнце да солнце, этого никакое здоровье не вынесетъ. Вотъ хорошенькiй туманъ совѣмъ другое дѣло. Я знаю, что совѣмъ буду здоровъ, когда, наконецъ, увижу въ Рождество зяблика на занесенномъ снѣгомъ окошкѣ, вмѣсто крикливой ящерицы на бѣлой стѣнѣ.

И у слышавшихъ его слова дрожали въ душахъ отвѣтныя струны.

Мужчины больше не проводили ночей на палубѣ. Имъ уже была нужна болѣе надежная крыша, чѣмъ сверкающій небесный сводъ.

— *Танда гай?* Холодно? спросила я у молодаго индустанскаго матросика, кутавшагося въ суконную кофточку.

— Нэй, мамъ сабъ! весело отвѣтилъ онъ.—Хорошо. Европейскій климатъ очень хорошъ.

На третій день послѣ Портъ-Саида мы сидѣли подъ вечеръ на палубѣ. Франтоватый машинистъ, котораго въ рабочіе часы и узнать было нельзя, до того онъ былъ черенъ и прокопченъ, смѣялся надъ моимъ нетерпѣніемъ и увѣрялъ, что мнѣ только кажется, будто мы близко къ Европѣ и что въ сущности мы еще не вышли изъ Персидскаго залива.

— Посмотрите, говорилъ онъ,—и море, и небо, и воздухъ точно такіе же.

Я посмотрѣла и увидѣла далеко на горизонтѣ что-то такое, что заставило всю мою кровь прилить къ сердцу. Это были не то зарумяненные садящимся солнцемъ облака, не то неясныя очертанія берега. Я колебалась. Но взглядывалась не одна я, многіе путники прерывали прогулку по палубѣ, останавливаясь у борта, нѣкоторые хватались за бинокли, наводили подзорныя трубки, и разомъ поднявшіяся радостныя восклицанія разрѣшили мои сомнѣнія.

— Да что вы волнуетесь? Это просто облака! стоялъ на своемъ машинистъ.

Но я уже ему не вѣрила. Я знала, что это была Италія, Европа, домъ, все родное и дорогое!

Но того болѣзненнаго восхищенія, которое я испытала при видѣ Европы послѣ долгаго времени, даже радостью назвать было бы нельзя. Что послѣ такого чувства было зрѣлище Этны, цвѣтущей Мессины и одинокаго среди моря вулкана Стромболи?

Вѣра Джонстонъ.

20 (8) декабря.
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Т о м ъ т р е т і й,

М А Й.

	<i>Стр.</i>
Разбойница-Орлиха. Романъ въ трехъ частяхъ. Гл. IV—VII. (Часть вторая.) Е. Л. Маркова	5
Октавъ Фелье. (Литературный очеркъ.) К. Ѳ. Головина...	57
Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образования. Гл. V гр. П. А. Капниста	84
Стихотвореніе. А. А. Фета.....	142
Еще одна сказка Андерсена. Ю. Н. Щербачева	143
Петръ Ивановичъ Корондѣевъ. Быль. Ольги Н.....	181
Ветхозавѣтный храмъ. Гл. II—III. (Окончаніе.) М. П. Соло- вьева	197
Домой изъ Индіи. (Впечатлѣнія путешествія.) Вѣры Дмонс- тонъ.....	245
О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. Гл. XVII—XVIII. П. В. Безобразова	279
Этика въ зоологіи. Гл. I—III. Н. П. Вагнера.....	314
Музыкальное обозрѣніе. Н. Д. Нашина.....	346
Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Пись- мо V. Г. Вельшингера	350
Письма изъ Лондона. (Спеціальная корреспонденція.) Пись- мо V. В. Т. Стэда	374
Текущіе вопросы международной политики. V. Японская цивилизация. Spectator.....	385